

Гринев

Гринев Петр Андреевич (Петруша) — главный герой повести «Капитанская дочка», последнего крупного произведения Пушкина, провинциальный русский дворянин, от чьего имени (в форме «записок для памяти потомства», составленных в эпоху Александра I об эпохе пугачевского бунта) ведется повествование. В исторической повести «Капитанская дочка» сошлись все темы пушкинского творчества 1830-х годов. Место «обычного» человека в великих исторических событиях, свобода выбора в жестких социальных обстоятельствах, закон и милосердие, «мысль семейная» — все это в повести присутствует и связано с образом главного героя-рассказчика.

Первоначально Пушкин, как то было в незавершенном романе «Дубровский», собирався поставить в центр повествования дворянина-ренегата, перешедшего из одного лагеря в другой (тут прототипом ему служил реальный офицер Екатерининской эпохи Шванвич); или пленного офицера, который бежит от Пугачева. Здесь также имелся прототип — некто Башарин, именно такую фамилию должен был носить герой, позже переименованный в Буланина, Валуева — и, наконец, в Гринева (Это имя в другой огласовке — Гранев — встречается в планах незавершенного «Романа на Кавказских водах», 1831.) Имя это тоже взято из действительной истории пугачевщины; его носил дворянин, арестованный по подозрению в измене и позже оправданный. Так окончательно определился замысел рассказа о человеке, волей Провидения оказавшемся между двумя враждующими лагерями; о дворянине, который незыблемо хранит верность присяге, не отделяет себя от сословия в целом и от сословных представлений о чести в частности, — но который при этом смотрит на мир неподвзято.

Замкнув сюжетную цепь именно на Гринева (и «перепоручив» роль дворянина-ренегата Швабрину), Пушкин воспроизвел принцип исторической прозы Вальтера Скотта, в чьих романах (особенно из «шотландского» цикла — «Уэверлей», «Роб Рой», «Пуритане») такой тип героя встречается постоянно — равно как сама ситуация: два лагеря, две правды, одна судьба. Таков и непосредственный «литературный предшественник» Гринева, Юрий Милославский из одноименного «вальтер-скоттовского» романа М. Загоскина (с той огромной разницей, что Милославский — князь, а не «обычный» человек). Вослед Гринева и другие персонажи «Капитанской дочки» приобретают вальтер-скоттовские черты. Образ верного слуги Гринева Савельича (чье имя совпадает с именем «патриотического» ямщика, свидетеля пугачевского бунта в «вальтер-скоттовском» романе Загоскина «Рославлев») восходит к Калебу из романа «Ламмермурская невеста»; эпизод, в котором невеста Гринева Марья Ивановна Миронова добивается у Екатерины II оправдания возлюбленного, повторяет эпизод с Дженни Джинс из «Эдинбургской темницы» и др.

Жанр «записок для потомства» давал возможность изобразить историю «домашним образом» — и предполагал, что жизнь героя будет разворачиваться перед читателем с самого детства, а смерть героя останется за пределами непосредственного повествования (иначе некому было бы составлять записки).

«Предыстория» Гринева проста: он сын премьер-майора Андрея Петровича Гринева, живущего после отставки в небольшом (300 душ) имении в Симбирской губернии. Воспитывает Петрушу крепостной «дядька», Савельич, учит — мосье Бопре, бывший парикмахер и охотник до русской наливки. Пушкин прозрачно намекает на то, что ранняя отставка отца была связана с дворцовым переворотом времен Анны Иоанновны. Причем первоначально предполагалось (и с сюжетной точки зрения это было бы куда более «красиво») объяснить отставку событиями 1762 года, екатерининским переворотом, —

но тогда хронология нарушилась бы окончательно. Как бы то ни было, отец героя словно «исключен» из истории; он не может реализовать себя (и потому всякий раз гневается, прочитывая придворный адрес-календарь, где сообщается о наградах и о продвижении по службе его бывших товарищей). Так Пушкин подготавливает читателя к мысли, что и Петр Андреевич мог бы прожить жизнь самую обыденную, не раскрыть заложенные в нем качества, если бы не общероссийская катастрофа 1770-х и если бы не отцовская воля. На семнадцатом году недоросль, еще до рождения записанный в гвардию сержантом, Гринева прямо из детской отправляется служить — причем не в элитный Семеновский полк, а в провинцию. (Еще один «отвергнутый» вариант судьбы — попади Гринева в Петербург, он к моменту очередного дворцового переворота 1801 года был бы офицером полка, сыгравшего ключевую роль в антипавловском заговоре. То есть зеркально повторил бы судьбу отца.) Сначала он попадает в Оренбург, затем в Белогорскую крепость. То есть туда и тогда, где и когда осенью 1773 года разгуляются пугачевцы — вспыхнет «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (слова Гринева). (Нечто подобное должно было происходить с героем незавершенной пушкинской повести из другой эпохи — юным прапорщиком из «Записок молодого человека», который в мае 1825 года держит путь в Черниговский полк, где в январе 1826 года вспыхнет восстание декабристов «Васильковской управы»,)

С этой минуты жизнь провинциального дворянина смыкается с потоком общероссийской истории и превращается в великолепный набор случайностей и зеркально повторяющихся эпизодов, которые заставляют вспомнить как о поэтике Вальтера Скотта, так и о законах построения русской волшебной сказки. В открытом поле гриневскую кибитку случайно застигает снежный буран; случайно на нее натывается чернорободый казак, который и выводит заблудившихся путников к жилью (эта сцена связана с эпизодом с Юрием, его слугой Алексеем и казаком Киршей в романе Загоскина «Юрий Милославский»). Случайно проводник оказывается будущим Пугачевым.

Столь же случайно сцепление всех последующих встреч Гринева и поворотов его судьбы.

Попав в Белогорскую крепость, в сорока верстах от Оренбурга, он влюбляется в дочь капитана Ивана Кузьмича Миронова, восемнадцатилетнюю Машу (в которой повторены некоторые черты героини повести А. Крюкова «Рассказ моей бабушки», 1831, капитанской дочери Насти Шпагиной) и дерется из-за нее на дуэли с поручиком Швабриным; ранен; в письме к родителям просит благословения на брак с бесприданницей; получив строгий отказ, пребывает в отчаянии. (Естественно, Маша в конце концов поселится у родителей Гринева, а Швабрин, перейдя на сторону Пугачева, сыграет в судьбе героя роль злого гения.) Пугачев, захватив крепость, случайно узнает Савельича, вспоминает заячий тулупчик и полтину на водку, после бурана пожертвованные ему Петрушей от чистого сердца, — и милует барчука за миг до казни. (Зеркальное повторение эпизода с тулупчиком.) Мало того, отпускает его на все четыре стороны. Но, случайно узнав в Оренбурге, что Маша, спрятанная белогорской попадшей, теперь в руках у предателя Швабрина, Гринева пробует уговорить генерала выделить ему полсотни солдат и отдать приказ об освобождении крепости. Получив отказ, самостоятельно отправляется в пугачевское логово. Попадает в засаду — и случайно остается цел; случайно оказывается в руках Пугачева, именно в тот момент, когда он в хорошем расположении духа, так что кровожадному капралу Белобородову не удается «попытать» дворянина. Пугач тронут рассказом о девушке, насильно удерживаемой Швабриным; отправляется вместе с героем в Белогорскую — и, даже узнав, что Маша — дворянка, невеста Гринева, не меняет своего милостивого решения. Больше того, полушутливо предлагает их поженить — и готов принять на себя обязанности посаженного отца. (Так случайно сбывается сон, который привиделся Гринева сразу после бурана: отец при смерти; но это не отец, а чернорободый

мужик, у которого почему-то нужно просить благословения и который хочет быть посаженным отцом; топор; мертвые тела; кровавые лужи.)

Отпущенные Пугачевым, Гринев, Маша, Савельич попадают в засаду правительственных войск (зеркальное повторение эпизода с пугачевцами); случайно командиром отряда оказывается Зурин, которому Гринев еще по пути к месту службы, до бурана, проиграл 100 рублей на бильярде. Отправив Машу в отцовское имение, Гринев остается в отряде; после взятия Татищевой крепости и подавления бунта он арестован по доносу Швабрина — и не может отвести от себя обвинения в измене, поскольку не желает вмешивать в судебное разбирательство Машу. Но та отправляется в Петербург, случайно сталкивается с царицей на прогулке в Царском Селе; случайно не узнает ее — и просто-душно рассказывает обо всем (зеркальное повторение эпизода «ходатайства» Гринева за Машу перед Пугачевым). Екатерина случайно помнит о героической гибели капитана Миронова (и, может быть, Машиной матери, Василисы Егоровны). Если бы не это, как знать, смогла бы государыня столь непредвзято подойти к делу и оправдать Гринева? Случайно офицер Гринев, отпущенный в 1774 году и присутствовавший при казни Пугачева, который его узнал в толпе и кивнул (еще одно зеркальное повторение эпизода с виселицами в Белогорской), не гибнет в многочисленных войнах конца XVIII — начала XIX в. и составляет записки для юношества; случайно эти записки попадают в руки «издателя», под маской которого скрывается сам Пушкин.

Но в том и дело, что все «случайности» сюжета подчинены высшей закономерности — закономерности свободного выбора личности в обстоятельствах, предложенных ей историей. Эти обстоятельства могут складываться так или иначе, благополучно или неудачно; главное не в этом, а в том, насколько свободен человек от их власти. Пугачев, в чьих руках громадная власть вершить человеческие судьбы, не свободен от той стихии, что привел в движение; оренбургский генерал, отказывающийся послать Гринева на бой за Белогорскую крепость, не свободен от своей осторожности; Швабрин не свободен от своего собственного страха и своей душевной подлости; Гринев свободен до конца и во всем. Ибо действует он по велению сердца, а сердце его свободно подчинено законам дворянской чести, кодексу русского рыцарства, чувству долга.

Законы эти неизменны — и тогда, когда нужно оплатить огромный бильярдный долг не слишком честно игравшему Зурину; и когда нужно отблагодарить случайного проводника тулупчиком и полтиной. И когда следует вызвать на дуэль Швабрина, выслушавшего гриневские «стишки» в честь Маши и презрительно отозвавшегося как о них, так и о ней. И когда пугачевцы ведут героя на казнь. И когда помиловавший героя Пугачев протягивает руку для поцелуя (Гринев, естественно, не целует «ручку злодею»). И когда самозванец прямо спрашивает пленника, признает ли тот его государем, согласен ли послужить, обещает ли хотя бы не воевать против него, — а пленник трижды, прямо или косвенно, отвечает «нет». И когда Гринев, однажды уже спасенный судьбою, в одиночку возвращается в расположение пугачевцев — чтобы выручить возлюбленную или погибнуть вместе с нею. И когда, арестованный собственным правительством, не называет имени Марьи Ивановны.

Именно эта постоянная готовность, не рискуя понапрасну, тем не менее заплатить жизнью за свою честь и любовь, — делает дворянина Гринева до конца свободным. Точно так же, как его крепостного слугу Савельича до конца (хотя и в иных формах) свободным делает личная преданность Гринева. То есть следование неписаному кодексу крестьянской чести, тому общечеловеческому началу, которое может быть присуще любому сословию и которое, по существу, религиозно, — хотя Савельич не слишком «церковен» (и лишь восклицает поминутно «Господи Владыко»), а Гринев в казанской тюрьме впервые вкушает «сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца». (Тут пушкинский современник должен был не только вспомнить о «вечном источнике» тюремной темы в европейской культуре — эпизод тюремного заключения небесного

покровителя Гринева, апостола Петра — Деян., 12, 3–11, — но и опознать парафраз записок итальянского религиозного писателя и общественного деятеля 1820-х Сильвио Пеллико, который в книге «Мои темницы» — русский перевод, восторженно отрецензированный Пушкиным в 1836 году, — рассказал о том, как в австрийской тюрьме впервые обратился с молитвой к Богу.)

Такое поведение превращает самого простодушного из героев «Капитанской дочки» в самого серьезного из ее персонажей. Эта серьезность гриневского образа оттенена легкой усмешкой, с какой автор описывает «жизненное пространство» других героев. Пугачев царствует в избе, оклеенной золотой бумагой; генерал планирует оборону от пугачевцев в яблоневом саду, утепленном соломкой; Екатерина встречает Машу как бы «внутри» пасторали: лебеди, парки, белая собачка, «срисованная» Пушкиным со знаменитой гравюры художника Уткина, изображавшей Екатерину «домашним образом»... И только Гринев и Савельич окружены открытым пространством судьбы; они постоянно устремлены за ограду — дворянского ли Оренбурга, пугачевской ли крепости; туда, где они не защищены от обстоятельств, но внутренне свободны от них. (В этом смысле и тюрьма для Гринева — тоже открытое пространство.)

Именно Гринева и Савельича вместе — двух этих персонажей, крепостного и дворянина, нельзя отделить друг от друга, как Санчо Пансу нельзя отделить от Дон Кихота. А значит, смысл повести состоит не в том, чтобы «перейти» на одну из сторон исторического конфликта. И не в том, чтобы отказаться от верности любой «власти» (ср. образ Швабрина). И даже не в том, чтобы «покинуть» узкие пределы сословной этики, поднявшись до общечеловеческих начал. А в том, чтобы внутри своего «лагеря», своей среды, своего сословия, своей традиции обнаружить общечеловеческое — и ему служить не за страх, а за совесть. В этом залог утопической надежды Гринева (и суфлирующего ему Пушкина, который переосмысляет тезис Карамзина) на то, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Образ Гринева (и сама «вальтер-скоттовская» поэтика случайности и зеркально повторяющихся эпизодов) оказался необычайно важным для русской литературной традиции, вплоть до Юрия Андреевича Живаго из романа Б. Пастернака.